

Г. Е. Дронова

СПОСОБЫ ОБЪЯСНЕНИЯ ТЕРМИНА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКЦИИ

Категория диалогичности в функциональной стилистике и лингвистике текста воплощает в себе участников речевого общения. Данная категория понимается «как соотношение двух смысловых позиций, как учет адресата, отраженный в речи, а также эксплицированные в тексте признаки собственно диалога» [Кожина, 1986, 36]. Диалогичность получает свое выражение во всякой речи, так как вне ее невозможно достичь гармонии отношений — необходимого условия цели коммуникации. Помимо аспекта адресованности, важен и другой аспект — ответственность [см.: Дускаева, 2004] как предупреждение возможного непонимания адресатом, прогнозирование и учет его вероятной реакции. Ю. В. Рождественский замечал: «Аудитория всегда испытывает неудовлетворенность, когда высказанная мысль трудна для понимания: у нее возникает чувство неполноценности, а также неудовольство оратором. Напротив, для того чтобы слушатели испытывали удовлетворение, их усилия по восприятию речи должны быть вознаграждены пониманием. При этом если понимание дается слишком легко, аудитория недовольна, так как она готовилась совершить большую работу. Если же усилия по восприятию речи соответствуют тому, как это себе представляла аудитория, она испытывает удовлетворение от самого факта усвоенной речи» [Рождественский, 1989, 27].

Учебная лекция в системе «адресант — текст — адресат», выступая одной из форм научного общения, преследует цель наиболее эффективной (точной, логичной, однозначной) передачи научного знания. Наряду с этой основной целью перед автором стоит дидактическая цель. Он должен так преподнести содержание лекции, чтобы оно было доступно для адресата. Таким образом, собственно научная цель в жанре учебной лекции сочетается с целью популяризации, разъяснения. Язык лекции отражает ее двойственную природу: монологичность сочетается здесь с диалогичностью как фундаментальным свойством речи, направленным на достижение эффективного общения. Формы и разновидности диалогичности в учебно-научной речи различны и многообразны. Средством выражения могут быть любые языковые средства и способы организации речи, которые направлены на популяризацию, в их числе прежде всего средства ясности речи.

Ясность занимает особое место в теории коммуникативных качеств речи. Уже в конце V — начале IV в. до н. э. ясность как обязательное качество речи рассматривается в трудах софистов, первых учителей красноречия. Позже ясность трактуется в качестве не просто обязательного, но главного качества речи. Эпикур считал, что от оратора «не следует требовать ничего, кроме ясности» [Античные теории, 1936, 205].

Начиная с античности ясность понимается как комплекс языковых средств, обеспечивающих определенное речевое качество. В «Риторике к Герению», самом раннем памятнике римской риторической традиции (80-е гг. I в. до н. э.), встречаем следующее утверждение: «Ясность выражений есть то, что делает речь понятной и прозрачной. Создается ясность двумя вещами: употреблением общепринятых слов и слов, взятых в их точном значении» [Античные теории, 1936, 194]. В «Учебном курсе теории словесности» 1899 г. ясным называется «язык понятный, доступный для читателей разных степеней развития и образования. Общим условием, необходимым для того, чтобы сделать свою речь понятной для других, служит: верность мысли и простота языка. В частности же... свойства ясного, или понятного, слога: 1) правильность, 2) точность, 3) простота, 4) соразмерность» [Стефановский, 1899, 11].

Понятие «ясность речи» связано с установкой на адресата: «речь предполагает как бы судью в слушателе» [Аристотель, 2000, 225], именно он «есть конечная цель всего» [Там же, 99]. О других качествах речи — правильности, точности, логичности, чистоте, выразительности, уместности — может судить как адресант, так и адресат, тогда как ясность речи оценивает только последний.

Ясность научной речи во многом достигается точностью терминопотребления. Термины составляют главную специфику языка науки и делают этот язык принципиально отличным от общелитературного языка по нескольким направлениям: семантически (термины именуют только специальные понятия); функционально (обладают не только номинативной, но и дефинитивной функцией); сферой распространения (в своей прямой функции служат средством профессионального общения); источниками, способами и средствами создания (основываясь в целом на общелитературных источниках, способах и средствах создания, имеют и свои специализированные ресурсы); семиотическим составом единиц наименования (кроме общезыковых словесных знаков, широко используются символы) [см.: Даниленко, 1977; Суперанская, 1989]. За счет этого термин может быть представлен словом, словосочетанием, символом-словом (оставаясь единым знаком) — исконно русским и заимствованным, архаичным и новым, общеупотребительным и узкоспециальным.

Многие термины развиваются вместе с наукой, что приводит к появлению многоярусной семантической структуры. Некоторые понятия рассматриваются с различных позиций представителями многочисленных научных школ и направлений, что приводит к созданию терминологической омонимии. Важно учитывать, что лексико-семантические процессы (полисемия, омонимия, синонимия, антонимия) отражают конкретные факты функционирования терминов в речи, а не их природу. Кроме того, в составе дефиниции термина также могут присутствовать лексемы или целые информационные части, заведомо затрудняющие адекватную интерпретацию научного понятия адресатом.

Учитывая уровень интеллектуальных возможностей своего адресата, автор может не объяснять значение собственно русского или общеупотребительного термина. Однако заимствованный или архаичный, новый или узкоспециальный тер-

мин требует в тексте четкого определения и разъяснительного комментария. Это своеобразная забота об адресате, так как неизвестное мешает восприятию информации, не вписывается в известную систему понятийных связей и отношений, замедляет процесс понимания. В объяснении отражена смысловая позиция адресата, которая стимулирует коммуникативную деятельность автора, и объективное ответное речевое действие автора. Так обеспечивается адекватность их общения.

Определение понятия не может охватить признаки предмета всесторонне и исчерпывающей полнотой. Оно отображает лишь наиболее общие отличительные свойства определяемого предмета или явления. Чтобы аудитория имела более полное представление о рассматриваемом понятии, автор использует в тексте лекции способы, дополняющие определения. Существует несколько таких способов: указание, объяснение, описание, характеристика, сравнение, различие [см.: Кондаков 1975, 409]. Сосредоточимся на объяснении, представляющем собой «совокупность приёмов, помогающих установить достоверность суждений относительно какого-либо неясного, запутанного дела или имеющих целью вызвать более ясное и отчетливое представление о более или менее известном явлении» [Там же, 403]. Общими характеристиками объяснения являются двусоставность и наличие отношений логического следования. Любое объяснение состоит из двух частей, различающихся по своим функциям: 1) то, что надлежит объяснить — языковое отображение объясняемого объекта; 2) совокупность объясняющих положений.

Объяснение, по мнению В. В. Одинцова, — это «преобразованное определение» [Одинцов, 1982, 30]. В отличие от определения, структура которого является строго фиксированной, объяснение характеризуется структурным разнообразием. Точность определения обеспечивается строгой терминологичностью, в объяснении же термин чаще всего заменяется хорошо знакомыми аудитории синонимичными эквивалентами или описательными оборотами. Определение абстрактно, объяснение, напротив, конкретно. Для объяснения характерны «спиральное» повторение одной мысли, опора на известное, образное усиление, аналогия, указание на смежные явления. Объяснить — это «сделать что-либо ясным, понятным, известным, изложив сущность, подробности, детали» [Кохтев, 1992, 159].

В. В. Одинцов в работе 1982 г. «Речевые формы популяризации» выделил три главных принципа популярного (ясного) изложения. Первый из них — это лексико-семантический перевод — переложение излагаемой проблемы со специального языка на язык адресата. Этот принцип осуществляется с помощью развернутого истолкования трудных для адресата терминов, через характеристику сложных понятий на основании их сравнения с хорошо известными. Второй — это конкретизация абстрактного понятия и положения — принцип, в основу которого положена идея общеизвестности примера. Иллюстративность и словесное моделирование — основные разновидности этого принципа. Третий принцип — художественность изложения, т. е. стремление автора вызвать интерес адресата, показать значительность, необычность явления, создать

занимательность изложения. Осуществляется с помощью аналогии, контраста, образности.

Действие данных принципов объяснения терминологической лексики рассматривается ниже на материале образцовых текстов — лекций В. О. Ключевского. «Курс русской истории» — последний фундаментальный труд ученого, в котором В. О. Ключевский изложил свою концепцию исторического процесса в России. Впервые этот курс лекций был прочитан в 1879 г. в Московском государственном университете. На протяжении всей своей лекторской работы с начала 1870-х гг. В. О. Ключевский непрерывно совершенствовал «Курс», но не издавал его, хотя литографии лекций, подготовленные слушателями, широко распространялись. На усиленные просьбы опубликовать «Курс» В. О. Ключевский отвечал, что это «непрерывно идущая вперед работа, нуждающаяся в постоянной обработке и переработке» [Ключевский, 1987, 21]. Первая часть «Курса русской истории» вышла в свет лишь в начале 1904 г., последняя, пятая, в 1912 г., уже после смерти автора¹.

В образцовом тексте нас интересовали средства и способы объяснения терминологической лексики. Собранный материал позволил выделить целый ряд, кратко охарактеризованных ниже, способов объяснения.

Лексико-семантическая аналогия — передача смысла того или иного понятия с использованием хорошо знакомых адресату слов или по крайней мере слов, более известных адресату, нежели вводимый термин. Это чистый случай лексико-семантического перевода. По структурным признакам лексико-семантический аналог может быть простым (слово) и составным (перифраза); по расположению относительно термина — препозитивным и постпозитивным.

1. По южнорусским степям распространялась *новая азиатская орда*, *хоры* [К., I, 138]². В психологии известно, что в «процессе мышления нужно хотя бы некоторое предвосхищение неизвестного» [Хайлович, 2001, 248]. Таким «предвосхищением» в данном случае является перифраза *новая азиатская орда*. Не называя еще самого термина, автор сообщает аудитории некоторые сведения, позволяющие адресату с минимальным интеллектуальным напряжением интерпретировать последующее понятие. Благодаря лексико-семантическому аналогу аудитория получает информацию: «кочевой народ, объединенный в племя». За счет этого новый термин ставится в контекст уже известного.

2. Эта территория политически раздроблена на *области*, «*волости*», в каждой из которых политическим средоточием служил большой торговый город [К., I, 116]. Актуализировав значение общеупотребительного слова, автор тем самым подготовил аудиторию к восприятию новой для нее информации. Архаичный, древнерусский по происхождению термин объяснен с помощью современного, хорошо знакомого понятия.

¹ В данной статье использовано издание лекций В. О. Ключевского 1987 г.

² Здесь и далее полужирным шрифтом в цитируемых пояснениях выделен прием объяснения, разреженным курсивом — термин. При паспортизации контекстного материала В. Ключевского используется сокращение [К.], римской цифрой обозначен том, арабской курсивом — страница.

3. В случае неисполнения обязательств крестьянин или его поручители платили за с т а в у — **неустойку** [К., II, 275]. Лексика пассивного словаря (архаичный термин) как в языковой системе, так и в речи не выдерживает конкуренции с лексикой активного словаря (общеупотребительное слово), обозначающей то же самое понятие. Авторский комментарий тем более необходим в условиях многозначности слова³.

Вольное определение. Количество, объем, содержание терминов в учебно-научном тексте, как правило, находятся на грани воспринимаемости адресатом. Вслед за напряжением необходима разрядка, способствующая усвоению и запоминанию терминов. Используя «вольное определение», автор помогает адресату лучше осознать смысловую структуру объяснения. Чередуя информационно значимые и информационно вспомогательные фрагменты, лектор создает оптимальные условия для мыслительной деятельности адресата, направляя ее на более полное и точное понимание рассматриваемого понятия. Этот способ объяснения представляет собой синтез двух принципов популярного изложения: лексико-семантический перевод + принцип художественности.

Классическое определение, или классическая дефиниция, состоит из двух частей: а) указание на более или менее обширный класс предметов, т. е. выделение родового понятия; б) указание на такие признаки (видовые отличия), посредством которых понятие отличается от всех остальных. В отличие от классического, в «вольном определении» имеет место описательный характер квалификации.

4. *Изгои — люди, по несчастью или другим причинам потерявшие права своего состояния, сбившиеся с житейского пути, по которому шли их отцы* [К., I, 271]. Черты классической дефиниции: родовидовые отношения (*изгои — люди*) и дифференциальные признаки (*потерявшие права, сбившиеся с пути*). Черты «вольного определения»: описательный характер дефиниции (*по несчастью или другим причинам, по которому шли их отцы*). Обращает на себя внимание образная лексика и фразеология, признаки многословия.

В «вольных определениях» могут использоваться инверсия, антитеза и другие фигуры речи.

5. *Древняя Русь выработала свою форму торгового товарищества, в котором соединялись не капиталы, а лица на основе родства и нераздельности имущества. Под руководством и ответственностью старшего неотделенного родственника вели торговое дело не как товарищи-пайщики, а как подчиненные агенты хозяина. Это — торговый дом, состоящий из купца-хозяина с его «купеческими братьями», «купеческими сыновьями» и т. д.* [К., I, 46]. С помощью антитезы автор выделяет ключевые слова (*не капиталы — а лица; не*

---

³ Ср.: «Застава — 1. Заграждение и сторожевой пост при въезде в город, созданные для взимания подорожных и других налогов, для наблюдения за проезжающими и т. п., а также место въезда в город. 2. Военское подразделение, охраняющее участок государственной границы, а также местоположение такого подразделения. 3. Военский сторожевой отряд, сторожевое охранение. 4. Подъемная перекладина для открытия и закрытия пути; шлагбаум» [СРЯ, 1981, 698].

как товарищи-пайщики — а как подчиненные агенты), тем самым создавая максимальную прозрачность и композиционную стройность. Описательный характер дефиниции придает речи некоторую статичность, на этом фоне динамичное противопоставление позволяет автору сделать изложение более ярким, выразительным.

«Вольное определение» может вводиться в текст лекции с помощью специального речевого сигнала.

6. *Его* (крестьянина. — Г. Д.) *свобода выражалась в крестьянском выходе или отказе, т. е. в праве покинуть один участок и перейти на другой, от одного землевладельца к другому* [К., II, 274]. 7. *Под шлягами надобно разумеать всякие иноземные металлические деньги, обращавшиеся тогда на Руси* [К., I, 165]. Речевые сигналы *то есть, надобно разумеать* (см. также пп. 8, 12, 13) являются своеобразным логическим «мостиком» между термином и объяснительным фрагментом; с их помощью адресант обозначает границу между двумя смысловыми частями, активизируя внимание аудитории на объяснительной части.

Словообразовательная мотивация позволяет автору акцентировать внимание аудитории на внутренней форме слова на данном этапе развития языка [см.: Катышев, 2005]. Лектор дважды объясняет неизвестное — через содержание и через форму, тем самым увеличивая степень адекватной интерпретации термина адресатом. Этот способ объяснения опирается на принцип лексико-семантического перевода.

<...>

8. *Пока они* (два высших выборных сановника. — Г. Д.) *занимали свои должности, они назывались степенными, т. е. стоящими на степенях* [К., II, 66]. Термин *степенные сановники* автор объясняет с помощью производящего слова — *степень*.

Учитывая уровень интеллектуальной подготовки аудитории, автор не ограничивает объяснение только словообразовательным аналогом, вместе с производящим словом в текст лекции может быть введена другая нужная для понимания словообразовательного аналога информация.

9. *Славенский конец* получил свое название от древнейшего поселка, вошедшего в состав Новгорода, *Славна* [К., II, 52]. 10. *Первая* (сторона. — Г. Д.) *называется Торговой, потому что здесь находился главный городской рынок — торг* [К., II, 52]. Терминологические единицы объясняются в тексте лекции, во-первых, с помощью производящих слов — *Славна* и *торг*; во-вторых, с помощью дополнительного пояснения: *древнейший поселок, вошедший в состав Новгорода* (9); *главный городской рынок* (10). Под пояснением мы вслед за Н. И. Кондаковым понимаем «логический прием, с помощью которого предмет определяется не вполне, а лишь в одном каком-то отношении и с определенной целью» [Кондаков, 1975, 464]. Пояснение 9 содержит временную и географическую характеристики, пояснение 10 указывает на статусную принадлежность.

Этимологическая справка применяется автором в тех случаях, когда термин уже знаком аудитории. Этот весьма специфический способ объяснения (своеобразно иллюстрирует принцип лексико-семантического перевода) вно-

сит в текст лекции элемент занимательности, позволяет восстановить первоначальную структуру слова, раскрыть изменения в процессе развития языка и показать аудитории рассматриваемое понятие под иным углом зрения. Критерий занимательности влияет на данный способ объяснения ($A \rightarrow B$, где A — термин, стрелка — процесс объяснения, B — результат, доступность термина адресату) и изменяет траекторию его движения. В итоге этимологическая справка может быть представлена так: $A \rightarrow C \rightarrow B$, где C — этап обогащения изложения, стимулирующий интеллектуальный интерес аудитории.

<...>

11. *Наше нынешнее слово **деньги** татарского происхождения, означает звонкую монету и вошло в наш язык не раньше XIII века* [К., I, 224]. Автор объясняет термин с точки зрения его происхождения (иноязычное заимствование), указывает язык-источник, время заимствования и изменения в семантике слова. Таким образом, небольшая по объему этимологическая справка включает в себя целых четыре объяснительных блока.

Проявляя заботу об адресате, автор использует «речевые замедлители»: *наше нынешнее слово, означает, вошло в наш язык*, которые помогают аудитории без затруднений переходить от понимания одной информационной части к другой: термин → происхождение → значение → время заимствования. Эти слова и обороты дают адресату время осознать полученную информацию и подготовиться к восприятию следующей.

12. *Иван III титулует себя **царем** всея Руси. Этот термин, как известно, есть сокращенная южнославянская и русская форма латинского слова **цесарь**, или по старинному написанию **цъсарь*** [К., II, 115]. В данном фрагменте автор показывает аудитории первоначальную структуру термина, обращает внимание адресата на наличие изменений в строении слова, определяет вид этих изменений, называет язык-источник. Речевой сигнал *как известно* актуализирует уже имеющиеся у адресата знания, одновременно представляя собой комплимент аудитории.

Вопросно-ответный ход — это триединство, центром которого является вопрос. Именно вопрос, структурно обусловленный предшествующими и последующими информационными частями, связывает в одно целое препозитивное сообщение и постпозитивный ответ.

По мнению М. Н. Кожиной, «вопросно-ответный комплекс» является центром функциональной семантико-стилистической категории акцентности, т. е. такой функциональной семантико-стилистической системы языковых и речевых средств, «которые выполняют в научном тексте функцию не собственно (не столько) информативную, но используются с целью особого акцента (не интонационно-акустического, но семантического) — привлечения внимания читателя к особо значимым, по мнению автора, обычно концептуальным “моментам” содержания» [Кожина, 1989, 15].

С логической точки зрения вопрос — это «предложение, выражающее недостаток информации о каком-либо объекте, наделенное особой формой и питаю-

цией и требующее ответа, объяснения... В каждом вопросе имеются два элемента: 1) то, что известно, и 2) то, что требует выяснения» [Кондаков, 1975, 92].

13. *Во главе новгородского общества стояло боярство. Мы знаем, что в других областях Русской земли боярство создавалось вольной службой князю. В Новгороде князь со своей дружиной был сторонней, пришлой силой, не входившей органически в состав местного общества. Каким же образом могло возникнуть боярство в Новгороде, когда здесь не было самого корня, из которого вырастал этот класс в других областях Руси? Отвечая на этот вопрос, надо припомнить, что еще до князей старшие города на Руси управлялись военной старшиной, выходившей из местной промышленной знати. Новгородское боярство образовалось из такого же класса* [К., II, 73—74]. Известным в вопросительной части данного текстового фрагмента является понятие *боярство*, выяснения требует то, *каким же образом* [оно] *могло возникнуть*. Вопрос уже сам по себе есть сигнал того, что далее последует ответ. Это тактический ход, «толчок для мыслительной работы слушателей» [Одинцов, 1982, 8].

Вопрос возникает не на пустом месте. Уже в первой части единства «сообщение — вопрос — ответ самого автора» имеет место противопоставление (*новгородское общество — другие области Русской земли, князь и его дружина как сторонняя, пришлая сила в Новгороде — главенство князя в других областях Русской земли*), которое и рождает в сознании адресата вопрос, желание разобраться в сложившейся ситуации. Моделируя далее собственно вопрос и тем самым эксплицируя ситуацию непонимания, автор оправдывает ожидания аудитории и приглашает ее к со-мышлению. Вопрос создает, таким образом, своеобразную коммуникативную кульминацию, а кроме того, он развивает мысль предыдущей части, усиливая ее действие.

Развязкой сложного триединства является ответ самого автора, логично продолжающий содержание второй части. При этом важно, что граница новой для адресата информационной части подчеркивается структурно — с помощью речевой связки *отвечая на этот вопрос*. В результате этого создается эффект совместного научного поиска.

Вопросно-ответный ход может включать в себя несколько вопросов.

14. *Что такое был этот порядок* (княжеского владения. — Г. Д.)? *Были ли это только идеальная схема, носившаяся в умах князей, направлявшая их политические понятия, или это была историческая действительность, политическое правило, устанавливавшее самые отношения князей?* [К., I, 189]. В таких случаях важна не количественная, а качественная характеристика. Первое высказывание (простое вопросительное предложение) — это вопрос-сигнал, который активизирует внимание аудитории и подготавливает ее к восприятию следующего информационно значимого фрагмента. Второе предложение — вопрос-рассуждение, с помощью которого автор приглашает адресата к сотрудничеству. Разделительный союз помогает аудитории разобраться в структуре высказывания и выделить его альтернативные смысловые блоки (*идеальная схема, носившаяся в умах князей, и историческая действительность, политическое правило*). Так ад-

ресат погружается в объяснительный процесс, становится не просто слушателем, а со-автором. В результате ответ воспринимается аудиторией не как неоспоримый факт, изложенный автором, а как продукт их совместного поиска.

Вопросно-ответный ход может быть смоделирован как сложная коммуникативная ситуация, в которую, помимо основных участников коммуникативного акта, вводится гипотетический коммуникант. Эта композиция встречается реже.

15. *Рассказ о событиях этого времени, сохранившийся в старинных летописных сводах, прежде было принято называть Летописью Нестора, а теперь чаще называют Начальной летописью. В библиотеках не спрашивайте Начальной летописи — вас, пожалуй, не поймут и переспросят: «Какой список летописи нужен вам?» Тогда вы в свою очередь придете в недоумение. До сих пор не найдено ни одной рукописи, в которой Начальная летопись была бы помещена отдельно в том виде, как она вышла из-под пера древнего составителя. Во всех известных списках она сливается с рассказом ее продолжателей, который в позднейших сводах доходит обыкновенно до XVI века [К., I, 92].* Гипотетический диалог адресата со столь же гипотетическим библиотекарем и реальный диалог адресанта с адресатом представляют собой сложное диалогическое единство, компоненты которого взаимодействуют и дополняют друг друга. Структурно этот вопросно-ответный ход можно представить следующим образом: авторское сообщение (рассказ о летописи) → гипотетический диалог (представление спрогнозированной ситуации непонимания) → ответ самого автора (выход из гипотетической ситуации непонимания).

Гипотетический вопрос позволяет автору разнообразить форму подачи учебно-научной информации, т. е. обогащает изложение научной проблемы.

Историко-хронологическая справка как способ объяснения термина, опирающийся на принцип конкретизации, дает возможность автору на сравнительно небольшом текстовом пространстве показать адресату масштабность, строгую последовательность и историческую значимость рассматриваемых понятий.

Например, обращаясь к этому способу, автор компактно представляет аудитории «служебную лестницу» реально существовавшего привилегированного господствующего класса царской России.

16. *Дворянин XVI в. начинал свою службу обыкновенно с пятнадцати лет. До этого он числился в недорослях. Поспев на службу и записанный в служилый список, он становился новиком. Тогда его, смотря по первым служебным опытам, верстали поместьем, а по дальнейшим успехам и денежным окладом, к которому потом бывали придачи за службу, покуда новик не становился настоящим служилым человеком с полным, свершенным окладом денежного жалования [К., II, 213].* Термины вводятся в текст лекции в хронологической последовательности, обозначая тем самым три исторических этапа дворянской службы: *до этого... → тогда... → потом*. Каждый из этих этапов автор эксплицирует в объяснении с помощью временных форм глаголов-сказуемых (*начинал, числился, становился, верстали*); указательных местоимений (*до этого*); наречий (*тогда, потом, покуда*); прием синтаксического параллелизма

помогает адресату осознать структурно-смысловое членение высказывания. Важно, что при этом объясняется сразу несколько или пара терминов. В последнем случае изложение строится на основе противопоставления.

17. *Верстание новиков было двоякое: в отвод и в припуск. Старших сыновей, попевших на службу, когда отец еще сохранял силы служить, верстали в отвод, отделяли от отца, наделяя их особыми поместьями; одного из младших, который попевал на службу, когда отец уже дряхлел, припускали к нему в поместье как заместителя, который по смерти отца вместе с землей должен был наследовать и его служебные обязанности* [К., II, 213]. В этом фрагменте единство временного плана повествования (*верстали, отделяли, наделяли*) сочетается с хронологической последовательностью событий (*отец дряхлел, по смерти отца должен был наследовать*). Речевой сигнал *когда*, во-первых, актуализирует внимание адресата на следующей информационной части, выполняя функцию структурно-смыслового разделителя; во-вторых, указывает на временную и причинно-следственную составляющие представленной части и тем самым эксплицирует значимость отдельного структурно-смыслового фрагмента для понимания всего высказывания.

Анализируемый объяснительный текст состоит из двух частей. Речевой сигнал в препозиции к терминологической паре актуализирует внимание адресата, подготавливая его к тому, что объяснение будет состоять из двух блоков. Порядок ввода объяснительных частей соответствует порядку ввода терминов в текст, за счет чего достигается максимальная прозрачность изложения. Ключевые смыслы фразы подчеркиваются на основе антитезы: *старших — младших, еще — уже, сохранял силы служить — дряхлел, отделяли от отца — припускали к нему*.

Объяснение через раскрытие образа наиболее полно реализует принцип художественности. Образ может быть сложным, неоднозначным, а может быть простым, «прозрачным». В лекции, как правило, используется такой образ, который продиктован познавательной потребностью аудитории и соответствует уровню ее интеллектуальной подготовки. В этом случае образ выполняет как эстетическую, так и познавательную функции, а объяснение через раскрытие образа способствует более точному описанию изучаемого понятия.

Обращает на себя внимание постпозитивное расположение приемов такого объяснения и двухэтапность самого объяснения. Постпозиция, вероятно, обусловлена законами логики, так как «образ — результат отражения объекта в сознании человека... Образ, следовательно, вторичен по отношению к отображаемому» [Кондаков, 1975, 396]; «Образ может усилить звучание аргумента, но не может его заменить» [Одинцов, 1984, 55]. Учитывая первичность отображаемого и вторичность результата отражения, на первом этапе объяснения автор вводит в текст лекции знакомый аудитории термин. Знание терминологической единицы адресатом позволяет адресанту предложить либо краткое определение этого термина, основанное на небольшом числе дифференциальных признаков, либо вообще отказаться от такового. На втором этапе появляется собственно образ, позволяющий автору представить аудитории изучаемое понятие более полно, объемно, выразительно.

18. *По условиям своей исторической жизни и географической обстановки оно (славянское население. — Г. Д.) распространялось по равнине не постепенно путем нарождения, не расселяясь, а переселяясь, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые* [К., I, 50]. Здесь термин объясняется через развернутую метафору. Автор использует общеупотребительный термин *переселяться*, семантика которого хорошо знакома аудитории и не требует дополнительных объяснений. Метафорический образ позволяет «оживить» изложение, сделать содержание термина выразительным. Метафора, как утверждает М. Блэк, — это своеобразный экран, где система характеристик одного объекта проецируется на область другого [см.: Блэк, 1990]. Стремительность (*переносилось*); общность и организованность (*птичьими перелетами*); масштабность (*из края в край*); трагичность (*покидая насиженные места*); необустроенность (*садясь на новые*) — все эти характеристики, заключенные в образе, передаются термину *переселяться*. В результате в сознании адресата вместо привычного, обыденного понятия (оно, возможно, осталось бы незамеченным по причине своей общеупотребительности) рождается целая картина жизни славянского населения.

Помимо состава и структуры названных выше способов объяснения, важны также особенности сочетания и взаимопроникновения этих способов. При объяснении термина В. О. Ключевский часто использует сразу несколько приемов объяснения, что повышает эффективность изложения. Объединению подвергаются как способы, реализующие один и тот же принцип популярного изложения, так и способы, представляющие разные принципы популяризации. Встречается объединение как двух, так и большего числа приемов. Например, лексико-семантическая аналогия + словообразовательная мотивация, лексико-семантическая аналогия + этимологическая справка (принцип лексико-семантического перевода); «вольное определение» + историко-хронологическая справка (принцип конкретизации); «вольное определение» (принцип конкретизации) + лексико-семантическая аналогия (принцип лексико-семантического перевода) + словообразовательная мотивация (принцип лексико-семантического перевода) + историко-хронологическая справка (принцип конкретизации). Продемонстрируем некоторые из комплексов.

«Вольное определение» + историко-хронологическая
справка

19. *На физиологических основах кровной связи строилась первобытная семья. Семьи, пошедшие от одного корня, образовывали род, другой кровный союз, в состав которого входили уже религиозные и юридические элементы, почитание родоначальника, авторитет старейшины, общее имущество, круговая самооборона. Род через нарождение разрастался в племя, генетическая связь которого выражалась в единстве языка, в общих обычаях и преданиях, а из племени или племен посредством разделения, соединения, ассимиляции составлялся народ, когда к связям этнографическим присоединялась нравствен-*

ная, сознание духовного единства, воспитанное общей жизнью и совокупной деятельностью, общностью исторических судеб и интересов. Наконец, народ становился государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона [К., I, 42]⁴.

Термины излагаются автором в хронологической последовательности и сопровождаются «вольными определениями». Лектор избегает громоздких и сложных для восприятия аудитории дефиниций, «вольные определения» содержат лишь самую необходимую адресату информацию. Историко-хронологический способ объяснения просматривается как во введении терминов в речевую ткань изложения, так и во всей структурно-смысловой организации фрагмента по логике «начала → потом»: *строилась первобытная семья → семьи образовывали род → род разрастался в племя → из племени или племен составлялся народ → народ становился государством*. С одной стороны, используя глаголы (*строилась, образовывали, разрастался, составлялся, становился*), автор актуализирует внимание аудитории на наиболее важных смысловых частях и тем самым помогает адресату следить за хронологией событий. С другой стороны, эти глаголы-сказуемые в форме прошедшего времени относят содержание предложений к одному временному плану и способствуют установлению более тесного смыслового единства группы терминов. Таким образом, уже на грамматическом уровне происходит объединение временной последовательности и целостности исторического факта.

Речевой сигнал *когда* (см. также пояснение 17), во-первых, позволяет аудитории выделить в лекционном материале новый информационный фрагмент, во-вторых, усиливает временной план и погружает адресата в атмосферу исторических событий.

С помощью цепной связи каждое последующее предложение соотносится с конкретным словом предшествующего предложения. Так как текстовый фрагмент включает в свой состав развернутые «вольные определения», автор, прогнозируя возможную ситуацию непонимания, дополнительно эксплицирует средства связи, чем помогает адресату следить за последовательностью развития мысли.

«Вольное определение» + лексико-семантическая аналогия + словообразовательная мотивация + историко-хронологическая справка

20. *С развитием торговли среди этих одноворок возникли сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли, для гостыбы, как говорили в старину. Такие сборные пункты*

⁴ Здесь полужирным курсивом выделено «вольное определение», курсивом без разрядки — историко-хронологическая справка.

получили название *п о г о с т о в*. **Впоследствии, с принятием христианства, на этих местных сельских рынках как привычных людских сборищах прежде всего ставились христианские храмы: тогда погост получал значение места, где стоит сельская приходская церковь. При церквях хоронили покойников: отсюда произошло значение погоста как кладбища. С приходами совпадало или к ним приурочивалось сельское административное деление: это сообщало погосту значение сельской волости. Но все это — поздние значения термина** [К., I, 141].

Термин *погост* автор объясняет четырьмя разными способами. Во-первых, это препозитивные «вольные определения»: *сборные торговые пункты; места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли*. Они создают основу для изложения следующей информационной части. Опираясь на хорошо известный аудитории общеупотребительный термин *торговля*, адресант, используя второй способ объяснения — лексико-семантическую аналогию, заменяет его в тексте лекции архаизмом *г о с т ь б а*. Обращаясь к третьему способу, словообразовательной мотивации (*гостьба* → *погост*), автор вводит в текст лекции основной термин. Этапы объяснения, построенные по принципу «спирали», позволяют адресату на каждом «объяснительном витке» кратко и без затруднений получать новую информацию, используя уже имеющиеся знания: *торговые пункты — торговля — гостьба — погост*. Используя четвертый способ объяснения — историко-хронологическую справку (*впоследствии, с принятием христианства, тогда...*), автор предвосхищает возможную ситуацию непонимания, которую может вызвать современное значение слова *погост*.

В каждый данный момент речи лектор нацелен на то, чтобы ориентировать адресата в коммуникативном пространстве. Различные способы объяснения — это забота автора об адресате как равноправном участнике коммуникативного акта, прогнозирование и учет его смысловой позиции как важнейшей составляющей диалогического единства.

Интересно, что, используя объяснение как способ, дополняющий определение, лектор отнюдь не упрощает изложение, не создает примитивный текст. Объяснительный фрагмент «как бы расщепляется, обогащается... и той или иной своей стороной (функциональным значением) выступает в конкретной речевой разновидности, «окрашивая» ее определенным образом» [Кожина, 1972, 116].

В заключение отметим, что «Курс русской истории» имел огромный успех при жизни автора. Сохраняющаяся до настоящего времени популярность этой работы объясняется не только ее колоссальной «наукоемкостью», но и тем, что этот результат огромного творческого труда был художественным и легко воспринимаемым. За этим, в частности, стоит грандиозный труд, направленный на объяснение термина. Знаменитый историк и талантливый оратор, В. О. Ключевский придавал способу изложения большое значение, утверждая: «Легкое дело — тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить — тяжелое дело» [Ключевский, 1913, 22].

- Античные теории языка и стиля.* М.; Л., 1936.
- Аристотель.* Поэтика. Риторика / Под ред. О. А. Сычева и др.; Пер. с древнегреч. О. П. Цыбенко, В. Г. Аппельрота. М., 2000.
- Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М., 1990.
- Даниленко В. П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977.
- Дускаева Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004.
- Катышев П. А.* Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2005.
- Ключевский В. О.* Очерки и речи. М., 1913.
- Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1—2. Курс русской истории. Ч. 1 / Под ред. В. Л. Янина. М., 1987.
- Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
- Кожина М. Н.* О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
- Кожина М. Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. М., 1989.
- Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Кохтев Н. Н.* Основы ораторской речи. М., 1992.
- Одинцов В. В.* Речевые формы популяризации. М., 1982.
- Одинцов В. В.* Какой быть методике лекционной пропаганды? М., 1984.
- Рождественский Ю. В.* Риторика публичной лекции. М., 1989.
- СРЯ* — Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.
- Стефановский И. Н.* Учебный курс теории словесности. Белгород, 1899.
- Суперанская А. В. и др.* Общая терминология: Вопросы теории. М., 1989.
- Хайлович Л. В.* Объяснительный монолог как педагогический речевой жанр // Педагогическая риторика. М., 2001.

Д. В. Спиридонов

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Понятие историзма в отношении литературного текста существует в литературоведении давно, однако его содержание представляется крайне нечетким и до сих пор не становилось объектом серьезных теоретико-литературоведческих исследований. Виной тому, по всей вероятности, внежанровый характер самого феномена историзма: отсутствие опоры на какие бы то ни было формальные признаки в определении природы историзма предполагает поиск новых методологических путей, которые бы позволили приблизиться к пониманию сущности исто-